

четая традиционные альманашные черты с особенностями толстого литературного журнала, очевидным образом подстраивается под законы функционирования института журналистики. Тем не менее «Дагеротип» по типу издания мало напоминает «Отечественные записки» или даже «Северную пчелу»: он располагается между двумя полюсами, будучи равноудаленным от каждого из них.

Альманах «Дагеротип» вряд ли может быть назван успешным изданием. Он не получил однозначно положительных отзывов в критике, и в конце концов интерес к нему потерял даже сам Кукольник, наскоро издав остававшиеся у него материалы без какого-либо концептуального осмысления в двенадцатом выпуске, уступающем по объему всем предыдущим тетрадям. Вероятнее всего, осуществлению планов Кукольника помешала внутренняя противоречивость «Дагеротипа», его промежуточное положение между журналом и традиционным альманахом. Как представляется, Кукольнику и членам его кружка не удалось до конца сформировать облик потенциального читателя «Дагеротипа». В сущности, именно об этом пишет Белинский: «Кто это читает, кому это нужно — бог весть!»<sup>61</sup> Тем не менее для современного исследователя чтение изданий, подобных «Дагеротипу», может быть полезно: оно помогает прояснить сложные законы, по которым распределяются силы внутри литературного поля.

<sup>61</sup> Там же. С. 228.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-99-112

© В. П. Трыков

#### РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, РОССИЯ И РУССКИЕ В СТАТЬЯХ И. ДЕЛАВО ДЛЯ ЖУРНАЛА «REVUE DES DEUX MONDES»

Ипполит Делава (1808–1862) — французский писатель, литературный критик и переводчик — был до 1860-х годов ведущим специалистом по современной ему русской литературе, ее активным популяризатором в парижском журнале «Revue des Deux Mondes», который был основан в 1829 году швейцарским типографом Франсуа Бюлозом и стал одним из влиятельнейших французских периодических изданий XIX века. В разное время в журнале сотрудничали известные писатели и литературные критики: Жорж Санд, А. де Мюссе, П. Мериме, Ш.-О. Сент-Бев, Г. Планш, И. Тэн, Э. Ренан. В журнале были широко представлены материалы по иностранной литературе. Не была обойдена вниманием и русская литература: всего с 1831 по 1873 год ей было посвящено двадцать статей, среди авторов которых П. Мериме, Ш. де Сен-Жюльен, Сен-Рене Тайандье, Л. Леже. Каждому из этих почтенных авторов принадлежало по одной-две статьи. Делава с 1854 по 1860 год опубликовал в журнале девять статей о русской литературе: «Современный русский роман. Александр Герцен» (1854), «Годы заключения и изгнания русского писателя. Александр Герцен» (1854), «Русский национальный эпос: „Слово о полку Игореве“» (1854), «Роман народных нравов в России. Григорович» (1855), «Литература и военная жизнь в России: 1812 г., Кавказ, Крымская война в произведениях русских писателей» (1856), «Николай Некрасов, сатирический поэт» (1856), «„Семейная хроника“ С. Т. Аксакова» (1857), «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, староверы в романе и в истории» (1858), «Сатирический роман о нравах русской бюрократии. „Тысяча душ“ Писемского» (1860).

Делава не был ни крупным писателем, ни ученым-литературоведом. Он был культурным французом, знавшим русский язык, интересовавшимся русской литературой, переводившим на французский произведения А. И. Герцена и И. С. Тургенева и стремившимся познакомить французского читателя с ее образцами. Написанное им интересно как отражение представлений образованного француза о России. Более того, как

литературный критик авторитетного парижского журнала, Делаво формировал определенный образ России и русских в культурном сознании Франции XIX столетия.

Для понимания того, какой образ России возникает в статьях Делаво, показательны названия его статей. Мотивы преследований, тема крепостничества, русского милитаризма, коррумпированности бюрократии — основные. Дважды в названиях статей встречаем слово «сатирический» («Некрасов, сатирический поэт» и «Сатирический роман о нравах русской бюрократии»), что настраивало французского читателя на критическое восприятие российской действительности. Это акцентирование отрицательных сторон русской жизни особенно отчетливо на фоне нейтральных, не имеющих отрицательных коннотаций названий статей о немецкой и английской литературе в «Revue des Deux Mondes»: «Политический роман в Германии», «Философский роман в Германии», «Еврейский роман», «Роман о семейной жизни» и т. д.

Особое внимание Делаво привлекала фигура А. И. Герцена, которому посвящены две вышеупомянутые статьи. В Герцене Делаво увидел сочетание немецкого и русского гения. При этом «немецкость» под влиянием романтизма редуцируется к мечтательности и чувствительности, а «русскость» в результате знакомства с творчеством Н. В. Гоголя — к критицизму в разных его формах: аналитизм, реализм, скептицизм, сатира.<sup>1</sup>

Взгляды Делаво на русскую литературу складывались в значительной степени под влиянием Герцена. По мнению исследователей, Герцен сыграл особую роль не только в ознакомлении зарубежной аудитории с русской литературой, но и в ее рецепции на Западе. «В значительной мере благодаря критической деятельности Герцена русская литература — литература Пушкина и Гоголя, Лермонтова, Грибоедова и Тургенева — входит в сознание передовой интеллигенции мира как искусство беспощадного анализа и гневного отрицания, гуманистического пафоса и нравственного поиска, неразрывно связанное с потребностями жизни и революционной борьбы. Герценовская концепция русской литературы оказала существенное влияние на характер ее освещения в европейской критике <...> Более того, она во многом открывала этот новый поэтический материк для мирового эстетического сознания».<sup>2</sup> Из этого набора характеристик русской литературы для Делаво особенно значимыми оказались беспощадный анализ и гневное отрицание.

Однако у Делаво была и другая путеводная звезда в мире литературы. Это его соотечественница Жермена де Сталь, сформулировавшая в книге «Литература, рассмотренная в связи с общественными установлениями» (1808) основные положения романтического историзма. Писательница, в частности, утверждала, что национальное своеобразие той или иной литературы определяется общественной жизнью нации — ее нравами, обычаями, социальными структурами, политическим устройством. Делаво, руководствуясь идеями своей предшественницы, при анализе русской литературы не замыкался в кругу сугубо литературно-эстетических проблем. Он объяснял ее тяготение к детальному изображению негативных сторон российской действительности, острый критицизм общественной и духовной ситуацией: тяжелым гнетом самодержавия, умонастроениями и потребностями читающей публики, которая «с большой готовностью воспринимает правдивые и часто весьма подробные рассказы о местных нравах <...>, это стремление к скрупулезному изучению действительности».<sup>3</sup> Такой подход приводил к тому, что разговор о русской литературе почти неизбежно перерастал в разговор о России, а анализ литературных тенденций становился одним из приемов создания образа России и русских.

Для Делаво «русскость» не исчерпывается критицизмом. Он солидаризируется с мнением Герцена о русских, выраженным в статье «Дилетантизм в науке». Делаво сочувственно цитирует фрагмент статьи, в котором Герцен утверждает, что одна из особенностей этой нации та, что они с невероятной легкостью усваивают иностранные

<sup>1</sup> Трыков В. П. Статьи о русской литературе XIX века в парижском журнале «Revue des Deux Mondes» // Литература в школе. 2021. № 1. С. 50–66.

<sup>2</sup> Лицинер С. Д. Герцен // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1991. Т. 7. С. 40.

<sup>3</sup> Delaveau H. Le roman contemporain en Russie: M. Alexandre Herzen // Revue des Deux Mondes. 1854. 15 juillet. P. 336.

идеи, но усваивают их поверхностно и не умеют реализовать их на практике.<sup>4</sup> Делаво продолжает старую тему французского дискурса о России, тему подражательности русских, русской литературы и культуры. Парадокс состоит в том, что, упрекая русских в подражательности, Делаво одновременно упрекает их в недостаточно глубокой подражательности, в том, что их восприятие иностранных (и прежде всего, конечно, западных) влияний поверхностно, что они не спешат воплощать заимствованные идеи в жизнь.<sup>5</sup>

Образ России в статье о Герцене складывается не только из характеристики «русского духа» (словосочетание «l'esprit russe» неоднократно встречается в его статьях), важнейших тенденций в литературной и духовной жизни России. Значимая его составляющая — мрачная картина политического режима и общественной жизни николаевской России, в которой живая мысль, потребность в честном и глубоком анализе русской жизни, новые идеи наталкиваются на мертвящую силу репрессивного государства. Арест Герцена и его товарищей, членов студенческого кружка, увлекавшихся социалистическими идеями, суд над ними, ссылка в «вечные снега Сибири»,<sup>6</sup> грубость, произвол и коррупция чиновников, деградация помещичьего класса — из этих «пазлов» складывается общая картина российской действительности в статье Делаво. Отметим, что, создавая эту картинку, Делаво опирается на произведения Герцена, прежде всего на его роман «Кто виноват?» и повесть «Доктор Крупов». Делаво не занимает критической позиции по отношению к написанному Герценом о России, всецело доверяет автору и подчеркивает «поразительную правдивость» созданных им образов.<sup>7</sup>

Делаво охотно и без тени сомнения принимает в произведениях Герцена то, что вписывается в его собственные представления о чужой стране и не противоречит взглядам французского литератора, и подвергает критике то, что им не соответствует. В статье немногочисленны прямые высказывания Делаво о России, на основании которых можно было бы составить более-менее отчетливое представление о его восприятии нашей страны. Вот одно из них: «В России, как и во всех деспотических государствах, совершенно невозможно узнать общественное мнение».<sup>8</sup> Еще одна красноречивая деталь: давая периодизацию жизненного и творческого пути Герцена, Делаво выделяет три этапа — университетские годы, период службы на административных должностях в ссылке в Перми и Вятке и, наконец, эмиграция, годы которой Делаво неправомерно считает «годами ссылки» («des années d'exil»)<sup>9</sup>. В эмиграцию Герцен, как известно, отправился добровольно. Называя время пребывания Герцена за границей «годами ссылки», Делаво вольно или невольно создает у читателя ощущение, что значительная часть жизни русского писателя прошла в неволе, в ссылке, что, конечно, не соответствовало реальным фактам его биографии.

Интересно посмотреть на те редкие моменты в тексте, где Делаво выражает свое несогласие с Герценом. Нарекание критика вызывают нападки русского писателя на институты брака и семьи, которые Делаво объясняет влиянием французских романов и гегельянством Герцена и уличает писателя в том, что в своей статье «О развитии революционных идей в России» тот преувеличил популярность подобных взглядов в российском обществе. Французский критик сообщает, что во время своего недавнего пребывания в России он имел возможность уточнить цифру убитых крестьянами помещиков, и она оказалась втрое меньше той, что Герцен приводит в своей статье. Заметим, что это единственный случай, когда Делаво упоминает о своем пребывании в России и исходя из своего личного опыта корректирует утверждения Герцена. Мысль, высказанная последним в статье «О развитии революционных идей в России», о том, что будущее принадлежит социалистическим идеям, конечно, не могла прийти по вкусу журналисту респектабельного парижского журнала консервативного толка, показалась ему слишком радикальной. И хотя Делаво, давая в своей статье обзор творчества

<sup>4</sup> Ibid. P. 319.

<sup>5</sup> Ibid.

<sup>6</sup> Ibid. P. 317.

<sup>7</sup> Ibid. P. 325.

<sup>8</sup> Ibid. P. 324.

<sup>9</sup> Ibid. P. 319.

Герцена, не проходит мимо его философских статей, публицистики, все-таки Герцена-романиста он ставит выше Герцена-публициста, и это неудивительно, ибо, как писал Делаво, «романист заставляет нас забыть о преувеличениях публициста».<sup>10</sup>

Необходимо отметить не только те пассажи статьи, где ведется заочная полемика, но и не менее красноречивые «фигуры умолчания». Так, Делаво лишь вскользь упоминает о письме Герцена видному французскому историку Жюльо Мишле, которое критик характеризует как «весьма умное»,<sup>11</sup> сообщает, что оно было ответом на ошибочные суждения Мишле о России, но тема не находит развития. Делаво не поясняет, какие именно идеи Мишле он считает неверными, в чем суть полемики Герцена с французским историком. Возможно, критик не считал нужным останавливаться на этой полемике, полагая, что ее содержание знакомо французским читателям. Однако содержание других публицистических произведений Герцена, также хорошо известных во Франции, так как с 1848 года из-за цензурного запрета в России Герцен вынужден был печататься во французской прессе, Делаво излагает в своей статье о русском писателе. Почему же тогда письмо Герцена Мишле стало исключением? Чтобы дать свой вариант ответа на этот вопрос, кратко остановимся на обстоятельствах и сути полемики между Мишле и Герценом.

Письмо Герцена Мишле под названием «Русский народ и социализм» было впервые опубликовано в 1851 году в газете «L'Avènement du peuple», а затем под псевдонимом «Искандер» вышло в парижском издательстве Франка в 1852 году. Это был ответ Герцена на серию статей Мишле, напечатанных в той же газете в конце августа — начале сентября 1851 года. Главная мысль Мишле состояла в том, что Россия принципиально несовместима с Западом, так как ее специфику определяет то, что он назвал «коммунизмом». Под «коммунизмом» французский историк понимал сильные в России и ключевые, по его мнению, для русского менталитета общинные традиции, когда человек полагается на коллектив общины, снимает с себя личную ответственность за свою судьбу. Мишле полагал, что коллективизм, исторически сформированный крестьянской общиной, несовместим с западным индивидуализмом. Значительное влияние на представление Мишле о русских оказал Адам Мицкевич, с которым он был дружен. Как и Мицкевич, Мишле считал, что они не настоящие славяне. Из книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году» французский историк позаимствовал утверждения, что они лишены нравственного чувства, Россия является империей лжи (вспомним кюстиновское «Россия — империя фасадов») и что русской литературы не существует.

Все эти идеи Мишле Герцен убедительно опроверг в своей статье «Русский народ и социализм». Делаво, который, в отличие от Мишле, отнюдь не был заражен русофобией, очевидно, соглашается со многими аргументами и логикой герценовской статьи, признавая ее «довольно умной». Вместе с тем, как уже отмечалось выше, он не считал нужным излагать ее содержание. Возможно, одна из причин — критика, которой Герцен подвергал современную Европу, и Францию в частности, что не соответствовало взглядам Делаво на западную цивилизацию как модель для России. Более того, Герцен критиковал Запад с позиций революционера и социалиста, что также было неприемлемо для французского критика.

Таким образом, высказываемые в публицистике социалистические идеи Герцена, его поддержку революционных настроений в России, критику священных для буржуа институтов брака и семьи, Делаво расценивает как «преувеличения», однако он не считает таковыми те мрачные картины российской жизни, которые Герцен рисовал в своих романах и повестях.

Этот мрачный колорит лишь усиливается в следующей статье Делаво о Герцене «Годы тюремного заключения и ссылки русского писателя», опубликованной в «Revue des Deux Mondes» 1 сентября 1854 года. В ней Делаво подробно рассказывает об одном этапе биографии Герцена — его аресте, тюремном заключении и ссылке. То, что в предыдущей статье было лишь намечено пунктиром, здесь становится основным пред-

<sup>10</sup> Ibid. P. 325.

<sup>11</sup> Ibid. P. 324.

метом изображения. Воссоздавая этот этап, Делаво опирается на единственный источник — «Былое и думы» Герцена, вторая часть которых, «Тюрьма и ссылка», вышла в Лондоне в 1854 году и к моменту публикации статьи еще не была известна французскому читателю. Очевидно, что к 1854 году это произведение Герцена уже оказалось в поле зрения Делаво, который впоследствии переведет книгу на французский язык. Трехтомное издание «Былого и дум» будет выходить с 1860 по 1862 год в парижском издательстве «Дантю» под названием «Русский мир и революция («Былое и думы»)».

Значительная часть текста статьи Делаво — обширные цитаты из «Былого и дум», изредка прерываемые коротенькими авторскими пояснениями, связками и комментариями. Он вновь заявляет, что не разделяет политических взглядов Герцена,<sup>12</sup> который интересуется Делаво прежде всего как «спокойный и строгий репортер русской жизни».<sup>13</sup> В самой этой российской действительности взгляд Делаво фокусируется на судьбе свободомыслия в России. В целом в статье складывается картина произвола властей и общей подавленности и бессилия русского общества. Пересказывая сюжет из «Былого и дум» о том, как были арестованы студенты Московского университета, участники оппозиционного кружка, французский критик комментирует: Россия — «страна, где власти имеют обыкновение действовать тайно и наносить удар исподтишка».<sup>14</sup>

В изображении Делаво Россия, с одной стороны, оплот деспотизма, полицейского и судейского произвола, страна, где свободная мысль подвергается гонениям, а с другой — рассадник революционных, коммунистических идей. И то и другое вызывает осуждение умеренного либерала Делаво.

Если в статье о Герцене Делаво на материале книг русского писателя знакомил французского читателя с обликом российского чиновничества и дворянства, то в статье «Роман народных нравов. Григорович» (1855) в центре внимания оказались обычаи и положение русского крестьянства, как они обрисованы в произведениях автора «Антон Горемыки» и «Деревни». Делаво видел свою задачу в том, чтобы «познакомить с рассказами писателя, который достойно представляет слишком немногочисленное семейство авторов, пишущих о народе, не только изучить любопытную литературную тенденцию, но также проникнуть в общественную жизнь страны, из которой к нам с трудом доходят редкие произведения, прояснить некоторые причины слабости и величия Российской империи».<sup>15</sup>

В статье о Григоровиче, как и в предыдущих статьях о Герцене, Делаво не ограничивался задачами литературного критика, но брал на себя роль историка и социолога, причем одновременно историка русской литературы и русского общества, о чем свидетельствует как его экскурс в историю русской литературы на первых страницах статьи, так и экскурс в историю становления крепостного права в России в ее финальной части. Делаво дает краткий обзор русской литературы XVII — начала XIX века, в котором проявляет незаурядную эрудицию, знакомит французского читателя с совершенно неизвестными и «экзотическими» произведениями русской литературы, где затрагивалась народная тема и изображались крестьянские нравы (повести XVII века «Фрол Скобеев», «Сава Грудцын», стихотворение поэта начала XIX века Ф. Н. Слепушкина «Изба»).

По мнению критика, Петровские реформы усилили западное влияние на русскую литературу, и она перестала изображать народную жизнь и нравы. Попытку вернуть ей самобытность и обратиться к русской действительности предпринял Н. М. Карамзин в повестях «Бедная Лиза», «Марфа Посадница», «Наталья, боярская дочь», однако значительным было французское влияние на его сочинения. А. С. Пушкин и его «мощные творения» лишь вскользь упомянуты в обзоре рядом с именем В. Скотта, из чего можно сделать вывод, что Делаво, как, впрочем, и многие французские критики до него, не оценил Пушкина как великого национального поэта, в том числе и его вклад

<sup>12</sup> Delaveau H. Les Années de prison et d'exil d'un écrivain russe // Revue des Deux Mondes. 1854. 1 sept. P. 858.

<sup>13</sup> Ibid.

<sup>14</sup> Ibid. P. 860.

<sup>15</sup> Delaveau H. Le Roman de mœurs populaires en Russie. Grigorovitch // Revue des Deux Mondes. 1855. 15 juillet. P. 256.

в изображение и осмысление народной жизни, выражение русского духовного склада. Очевидно, что Делаво понимает народность как простонародность, только как воспроизведение быта и нравов крестьянства. Он прошел мимо собирательного образа народа, выражающего свою нравственную оценку политических деяний и исторических личностей в «Борисе Годунове», не заметил он и «Повестей Белкина» с их образом низовой, мелкопоместной, провинциальной России, и «Истории села Горюхина» с картиной крепостного сельского быта, с остро сатирическим изображением русской деревни.

Для Делаво писатель, освободивший русскую литературу от западного влияния, вернувший ее к национальным сюжетам, — Н. В. Гоголь. Его последователями выступают И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, В. И. Даль и Д. В. Григорович. Причем последнего Делаво ставит выше Тургенева, акцентируя внимание на двух произведениях: повести «Антон Горемыка» и романе «Рыбаки», т. е. на тех, в которых иногда поднимал проблему крестьянской жизни. Значительная часть статьи — подробный пересказ этих двух текстов Григоровича с обстоятельными цитатами из них. Вне поля зрения французского критика остались многие другие сочинения Григоровича, например очерк из столичной жизни «Петербургские шарманщики», повесть «Похождения Накатова», антиингилистическая миниатюра «Школа гостеприимства» и т. д.

По мнению Делаво, Григоровичу, как и Герцену-публицисту, которого, напомним, французский критик упрекал в «преувеличениях», недостает иногда чувства меры («le défaut de mesure»).<sup>16</sup> Это проявляется и когда Григорович выражает свои симпатии и сочувствие к крепостным крестьянам, и когда сами крестьяне демонстрируют чрезмерную экспрессивность в выражении своих чувств, и когда, желая изобразить злоупотребления помещиков-крепостников, автор, с точки зрения Делаво, сгущает краски.

Художественной неудачей автора «Рыбаков» Делаво считал образ крестьянина Вани. Ему казалась неубедительной жертвенность этого персонажа. Речь идет о сюжетной линии повести, построенной на отношениях трех персонажей: молодого крестьянина, сына Глеба Савинова Вани, приемыша в семье Глеба Гриши и крестьянской девушки Дуни, в которую влюблены оба молодых человека. Отец хочет женить Ваню на Дуне. Ваня, зная, что он не мил девушке и что она предпочла ему Гришу, добровольно идет в рекруты вместо него. Комментируя ситуацию, Делаво замечает: «Жертвенность не утасла в русском народе, но никогда человек этого класса не откажется от независимости ради любовной интриги. Выдумка автора совершенно неприемлема: любовь русского крестьянина не поднимается выше физиологического инстинкта и, следовательно, занимает в его глазах весьма второстепенное место в его душевных переживаниях».<sup>17</sup>

Делаво как будто прошел мимо тех художественных открытий, которые были сделаны в «Записках охотника» Тургенева, показавшего сложность и даже загадочность духовного мира простого крестьянина. Умозаключение критика еще более удивительно, если учесть, что «Записки охотника» (1847–1852) к моменту написания статьи уже были полностью опубликованы и он, знавший русский язык, мог прочитать книгу в оригинале. Более того, к 1855 году уже был напечатан во Франции перевод «Записок охотника» на французский язык, хоть и под другим названием — «Воспоминания русского помещика». Делаво опубликует в парижском издательстве «Дантю» свой перевод «Записок охотника», правда, только в 1858 году, т. е. спустя три года после выхода в свет статьи о Григоровиче. Как бы то ни было, трудно допустить, что критик, проявлявший интерес к творчеству Тургенева, к моменту написания статьи о Григоровиче прошел мимо тургеневского шедевра.

Григорович мотивировал поступок Вани не только уважением к чувствам любимой, которая предпочла другого, но и многолетней привязанностью к Грише, товарищу его детских игр, которого Ваня воспринимает почти как родного брата. Можно предположить, что невысокая оценка, которую дал Делаво образу Вани, была обусловлена несовпадением представлений французского критика о «русскости» с понимани-

<sup>16</sup> Ibid. P. 273.

<sup>17</sup> Ibid. P. 294.

ем русского национального характера Тургеневым и Григоровичем. Для Делаво в Ване «нет ничего русского».<sup>18</sup> Напротив, для Григоровича Ваня — воплощение лучших черт русского характера. Писатель завершает сцену, в которой Ваня твердо и спокойно заявляет отцу о своем намерении пойти в рекруты вместо Гриши, следующими словами: «Так простой русский человек совершает всегда великодушные поступки!»<sup>19</sup> Как уже отмечалось выше, по мнению Делаво, «русскость» — это прежде всего особый склад ума, которому свойственны трезвый и критичный взгляд на мир с примесью скептицизма, что нашло отражение в аналитизме и реализме русской литературы, сильной сатирической тенденции в ней. «Русскость» у Делаво не предполагала склонности к благородным и великодушным поступкам.

Кроме того, образ Вани не вполне соответствовал образу русского крестьянина, который возникает на страницах статей Делаво и которого автор наделяет такими качествами, как покорность, смирение, сдержанность в проявлении чувств, патриархальное презрение к женщине и глубокое уважение к отцовскому авторитету. «Бунт» Вани против отцовской воли женить его на Дуне противоречил этому стереотипу.

Делаво возмущало униженное положение крепостных крестьян в России. Заслугу Григоровича Делаво видел в том числе и в том, что его произведения стали частью «литературной агитации» («*agitation littéraire*») за отмену крепостного права. В критическую статью о Григоровиче он вставляет публицистические пассажи, в которых рассуждает о судьбах русского крестьянства, прямо выражает свое отрицательное отношение к крепостному праву и надежду на его скорейшую отмену: «Мы полностью разделяем мнение противников крепостного права. Русские крестьяне достойны быть отпущенными на волю. Это доказал опыт: те из них, кто, получив свободу, не злоупотребили ею».<sup>20</sup> При этом Делаво нигде в своей статье не объясняет, почему русские крестьяне достойны свободы, но не достойны считаться людьми, способными на нечто большее, чем подчиняться «физиологическому инстинкту» в своей нравственной жизни. Между тем несомненна заслуга Делаво в привлечении внимания французской публики к фигуре Григоровича, произведения которого к моменту выхода статьи в свет еще не были известны во Франции.<sup>21</sup>

Крестьянская тема найдет продолжение в статье Делаво о Некрасове, в стихотворениях которого он видит прежде всего описание тяжелой доли русского крестьянина. Страстная, обличительная интонация некрасовской поэзии импонирует французскому критику, который с удовлетворением констатировал: «Некрасов не поет, он проклинает», он «неумолимый судья» российской действительности.<sup>22</sup> Однако удивительным образом эта страстность, которую Делаво называет «усиливающейся экзальтацией»,<sup>23</sup> отнюдь не кажется ему чрезмерной. Если в статьях о Герцене и Григоровиче Делаво упрекал писателей в преувеличениях, считал, что им изменяет чувство меры, то Некрасов неожиданно предстает чуть ли не образцом умеренности. В его стихотворениях о тяжелой крестьянской доле, по мнению критика, проявляется «очевидная и хорошо просчитанная сдержанность».<sup>24</sup> Трудно сказать, в чем причина подобного интеллектуального кульбита. Маловероятно, что за три-четыре года, отделяющих статью о Некрасове от статей о Герцене и Григоровиче, столь кардинально изменились эстетические взгляды Делаво и его критерии вкуса и меры в искусстве. Вероятнее другое: за эти несколько лет усилилось критическое отношение Делаво к российской действительности, и прежде всего к крепостному праву, и поэтому даже самые мрачные картины тяжелой доли русских крестьян и самая острая критика политики

<sup>18</sup> Ibid.

<sup>19</sup> Григорович Д. В. Рыбаки: Роман. Повести. М.; Л., 1966. С. 173.

<sup>20</sup> Delaveau H. Le Roman de mœurs populaires en Russie. P. 289.

<sup>21</sup> Первое произведение Григоровича, переведенное на французский язык, роман «Столичные родственники» увидел свет только в 1888 году.

<sup>22</sup> Delaveau H. Un poète satirique en Russie. Nicolas Nekrasoff // *Revue des Deux Mondes*. 1858. 15 décembre. P. 845.

<sup>23</sup> Ibid. P. 841.

<sup>24</sup> Ibid. P. 848.

российского правительства уже не казались Делаво преувеличением и нарушением меры.

Это предположение отчасти находит подтверждение в финальной части статьи, где Делаво вписывает творчество Некрасова в социально-политический контекст российской действительности. Правление Николая I характеризуется как «угнетение народа, еще не смягченное влиянием цивилизации».<sup>25</sup> Николай I хотел искоренить всякую свободную мысль в сознании высших классов, но получил ответную реакцию. Одним из выразителей этих протестных и реформаторских настроений и стал Некрасов, воплотивший в стихах «бунт национального духа против режима, ныне почившего».<sup>26</sup>

Тем не менее в финале статьи о Некрасове, как и в концовках предыдущих статей, звучат успокоительно-обнадеживающие ноты: «Нужно заметить, однако, что это угнетение прекратилось и что либеральное движение в России должно принять направление, отличное от того, которое имело место тридцать лет тому назад. Мы не увидим тех сцен кровавого насилия, которые разыгрались в начале царствования последнего императора на Дворцовой площади. Партия реформ искренне привязана к новому императору».<sup>27</sup>

В статье о Некрасове Делаво добавил несколько штрихов к нравственно-психологическому портрету русского народа, который он нарисовал в предыдущих статьях. В исполненных грусти стихотворениях Некрасова французский критик видит проявление «наивного гения русского народа».<sup>28</sup> Однако к этой «наивности», что бы под этим ни понималось, и другим «ценным качествам, которыми одарен русский народ», добавляется «жестокость, доходящая до дикости».<sup>29</sup> Делаво развивает в статье и тему пьянства, начатую еще в статье о Григоровиче, которое трактуется теперь не как характерная черта быта и нравов отдельного социального слоя — фабричных рабочих и крестьян, ушедших из деревни в город, — а как общенациональный недуг, правдиво показанный в произведениях Некрасова и порожденный тяжелыми условиями жизни в России и теми испытаниями, которые выпали на долю русского народа в его историческом развитии.

К представлениям Делаво о русском народе как нельзя лучше подходит характеристика европейского общественного мнения о России и русских, данная Герценом в статье «Русский народ и социализм». После краткого обзора типичных суждений европейских авторов о России он заключал: «Мне кажется, есть что-то трагическое в старческой рассеянности, с которой старый мир спутывает все сведения о своем противнике. В этом сбросе противоречащих мнений проглядывает столько бессмысленных повторений, такая печальная поверхностность, такая законченность в предрассудках, что мы поневоле обращаемся за сравнением к временам падения Рима».<sup>30</sup> Некоторые из стереотипов, которые перечислил Герцен в своей статье (всемогущество царя, произвол правительства, рабский дух народа, природная одаренность русских, их пьянство и плутовство), воспроизводил и Делаво.

В статье о Некрасове французский критик дает не только безотрадную картину русской жизни, но и краткое описание под определенным углом зрения эволюции русской поэзии от XVIII до середины XIX века: он прослеживает различные флюктуации лирического и сатирического элементов в ней. Некрасов оказывается в данном отношении центральной фигурой, поскольку именно ему удалось добиться наиболее полного и органичного синтеза лирики и сатиры. Кроме того, в творчестве Некрасова Делаво видел отражение состояния умов передовой части русского общества: недовольство существующим положением вещей, усиление социального критицизма, ожидание реформ и прежде всего отмены крепостного права.

<sup>25</sup> Ibid. P. 853.

<sup>26</sup> Ibid.

<sup>27</sup> Ibid.

<sup>28</sup> Ibid. P. 848.

<sup>29</sup> Ibid. P. 851.

<sup>30</sup> Герцен А. И. Избр. философские произведения: В 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 138–139.

Статья «Военная литература и жизнь в России» была напечатана в номере «Revue des Deux Mondes» от 15 августа 1856 года, т. е. уже после окончания Крымской войны. Парижское мирное соглашение было подписано весной 1856 года. Отголосок недавних не только военных, но и идеологических баталий между воюющими сторонами отчетливо слышен в этой статье французского критика. Едва скрываемое раздражение, смешанное с иронией, сквозит в следующих строках: «Россия обязана своим величием, главным образом, своей армии, и не приходится удивляться тому, что в ней так быстро нашлись писатели, готовые эту армию воспеть».<sup>31</sup> Делаво упрекает русских писателей, описывавших войну 1812 года, в «грехе преувеличения», в том, что они «были судьями слишком пристрастными».<sup>32</sup> Его обижает высокомерно-снисходительный тон русских авторов по отношению к поверженным французам. Делаво всячески старается исправить эту ситуацию. Он пытается затушевать несправедливый захватнический характер войны, которую Наполеон начал против России. Примечательно, что в статье ни разу не упомянуто имя Наполеона I, отсутствуют оценки его восточной политики, а Отечественная война 1812 года названа нейтральным словосочетанием «кампания 1812 года». Делаво ничего не пишет о доблести русских воинов, зато акцентирует мужество и стойкость французских солдат, которых не могли не отметить их противники. Из значительного массива литературы о войне 1812 года Делаво выбирает рассказ Бестужева-Марлинского «Латник» (в статье приведено не название, а подзаголовок «Рассказ партизанского офицера»), из которого приводит два эпизода. В первом рассказчик, который вместе со своим отрядом преследует отступающую французскую армию, живописует страшную картину гибели французских солдат от холода. Особенно внимание русских привлекала фигура замерзшего гренадера, который мертвым стоял, опершись на свое ружье. На его застывшем лице — следы прежней гордости и отваги, «презрение боли, его победившей». Русские при виде такого зрелища испытывают чувство жалости, смешанное с восхищением «эдаким молодцом». Второй эпизод повествует о том, что отряд наткнулся на французов, завязалась перестрелка, а затем и рукопашный бой, в котором опять русские не могли не оценить «храбрых своих врагов». Делаво характеризует рассказ как «дань уважения французской армии».<sup>33</sup>

Если французы, несмотря на поражение, предстают в статье храбрыми и стойкими воинами, то русские — жестокими варварами. Партизанский отряд «преследует остатки французской армии с дикой яростью».<sup>34</sup> Делаво в своем пересказе пропускает тот эпизод в рассказе Марлинского, когда русские взяли в плен французского солдата-барабанщика и, несмотря на предложение одного из персонажей расправиться с ним, сохранили ему жизнь, зато пускается в lamentации о тяжелой доле французских солдат: «Читая некоторые эпизоды военных рассказов Марлинского, невозможно отделаться от тягостного впечатления. Сердце сжимается при виде зрелища французских солдат, побежденных губительным климатом, и русских, с жестокой радостью довершающих дело разрушения, начатое природой».<sup>35</sup>

Недовольство критика вызывает и то, что «Марлинский повествует о грустных сценах 1812 года с мрачной безучастностью, которая удивляет и печалит».<sup>36</sup> Показательно, как старательно Делаво избегает называть вещи своими именами, как он уклоняется от слова «война», на сей раз заменяя его «грустными сценами 1812 года» («les tristes scènes de 1812»). Заметим также, что выше критик упрекал русских писателей в «грехе преувеличения», в чрезмерной страстности, здесь его не устраивает их бесстрастность и безучастность. Это кажущееся противоречие легко объяснимо. Подтекст понятен: Делаво полагал, что русские писатели чересчур эмоционально прославляют победу русского оружия в войне с Наполеоном (в частности, вскользь, не приводя

<sup>31</sup> Delaveau H. La littérature et la vie militaire en Russie // Revue des Deux Monde. 1856. 15 août. P. 775–776.

<sup>32</sup> Ibid. P. 778.

<sup>33</sup> Ibid. P. 780.

<sup>34</sup> Ibid. P. 779.

<sup>35</sup> Ibid.

<sup>36</sup> Ibid. P. 780.

названий, он упоминает «романтические гимны» Жуковского<sup>37</sup>) и они недостаточно эмоциональны в выражении своего сочувствия разбитой французской армии.

Об отражении событий Кавказской войны в русской литературе Делаво говорит весьма коротко. Очевидно, что она интересовала его меньше, чем войны, в которых принимали участие его соотечественники: война 1812 года и Крымская война. Он отмечает лишь, что Кавказская война породила очередной всплеск энтузиазма в русском обществе и волну интереса к военной тематике в литературе, упоминает «Кавказского пленника» Пушкина и «Героя нашего времени» Лермонтова, повести о войне Марлинского и вновь упрекает русских писателей в чрезмерности: «Этот энтузиазм иногда побуждает их забыть всякую меру».<sup>38</sup>

Первый, кому, по мнению Делаво, удалось преодолеть эту «чрезмерность» и правдиво изобразить характер русского солдата, — Л. Н. Толстой. Делаво отмечает у него мастерство создания типов русских солдат и офицеров, интерес писателя к будничной стороне войны, описанию нравов и отношений людей на войне. Делаво подробно останавливается на «Севастопольских рассказах», в которых, по мысли критика, проявилась «проницательная наблюдательность» Толстого. Романтическим преувеличениям Лермонтова и особенно Марлинского Делаво противопоставляет в качестве положительного примера тип повествования, разработанный Толстым: «Простой и детализированный рассказ, наподобие дневника, показывает нам с душевраздирающей правдивостью как страдания осажденного гарнизона, так и его воинскую доблесть...».<sup>39</sup>

Для Делаво Толстой прежде всего бытописатель войны и внимательный наблюдатель военных нравов. Критик остается в этом отношении верен себе. Как и в других статьях о русской литературе, его интересует в первую очередь нравственное состояние русского общества, разных его слоев и социальных групп. Толстой-психолог, тонкий аналитик человеческой души не получил достойной оценки в статье. Показательно, что, представляя французскому читателю «Севастопольские рассказы», Делаво в своем подробном и довольно верном пересказе, перемежающемся большими цитатами, опускает внутренние монологи героев, авторский аналитический комментарий их душевных состояний (например, описание чувств Козельцова после посещения блиндажа командира полка).

Отметим и еще одну редукцию, производимую Делаво. В своих переводах толстовского текста он снимает фразы, которые приносят элемент патетики в повествование. Проиллюстрируем это на одном примере — сцене смерти Козельцова-старшего. Вот как она описана у Толстого:

«— Что, я умру? — спросил Козельцов у священника, когда он подошел к нему. Священник, не отвечая, прочел молитву и подал крест раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал.

— Что, выбиты французы везде? — твердо спросил он у священника.

— Везде победа за нами осталась, — отвечал священник, говоривший на о, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

— Слава Богу, слава Богу, — проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело.

Мысль о брате мелькнула на мгновение в его голове. „Дай бог ему такого же счастья“, подумал он».<sup>40</sup>

Сравним с переводом этой сцены, сделанным Делаво:

<sup>37</sup> Очевидно, имеются в виду такие стихотворения Жуковского, как «Певец во стане русских воинов», «Вождю победителю», «Императору Александру», в которых поэт славит победу русского оружия, восхищается неиссякаемой силой русской нации и поэтически осмысливает великое значение Отечественной войны 1812 года.

<sup>38</sup> Delaveau H. La littérature et la vie militaire en Russie. P. 783.

<sup>39</sup> Ibid. P. 791.

<sup>40</sup> Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 4. С. 114–115.

« — Est-ce que je suis blessé à mort? — lui demanda celui-ci.

Le prêtre ne lui répondit pas. Il prononça une prière et lui tendit la croix à baiser. Le lieutenant prit la croix de ses mains affaiblies, la pressa contre son cœur, et quelques larmes mouillèrent ses paupières; puis, essayant de se relever, il se tourna vers le prêtre.

— L'ennemi est-il repoussé? — lui demanda-t-il.

— Nous avons l'avantage sur tous les points, répliqua celui-ci, ne pensant point qu'il fût prudent d'annoncer au mourant que le drapeau français flottait sur la tour Malakof.

— Dieu soit loué! — dit le blessé, et cette nouvelle parut ranimer ses forces. Puis, le souvenirs de son frère s'étant présenté à sa pensée, il souhaite en lui-même que ce jeune homme eût comme lui rempli son devoir au prix de sa vie...»<sup>41</sup>

Как видим, Делаво в своем переводе заменяет толстовский пассаж, описывающий чувства умирающего героя, его эмоциональную реакцию на слова священника о победе, якобы одержанной русской армией, и содержащий прямую оценку поведения Козельцова как «геройского дела» («не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело»), более нейтральной констатацией: «Эта новость, казалось, оживила его силы». Снимает он и фразу «смерть не испугала Козельцова».

Делаво пропускает в своем пересказе и эпизод внезапного героического воодушевления, охватившего до того трусившего Вланга. Французский критик сообщает читателю, что рассказ завершается смертью Козельцова-младшего, и затем дает цитату, описание разбитой русской армии, остатки которой на пароходе переплывают на Северную.

Одним словом, в трактовке Делаво, в том, как он представил французскому читателю финал рассказа, доминирует мотив смерти: индивидуальной смерти главного героя и коллективной смерти русской армии. Однако Толстой завершает рассказ иначе. Последняя сцена — диалог двух русских солдат, в котором они выражают уверенность, что победа французов временная и что русская армия вернет Севастополь, и далее следует патетическое описание отступления русской армии: «Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места, всего облитого его кровью, — от места, 11 месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага, и которое теперь велено было оставить без боя».<sup>42</sup> Это описание и финальные строки («Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам»<sup>43</sup>) выражают мысль не о смерти, не об окончательном разгроме, а о нравственной несломленности русской армии.

В той части статьи, которая посвящена отражению событий Крымской войны, образ русского солдата становится более объемным. Теперь Делаво видит в нем не только грубого и жестокого варвара. Очевидно, находясь под впечатлением от рассказов Толстого, французский критик отмечает самообладание, простоту, отсутствие бравады, дисциплинированность и, что самое, быть может, главное — человечность русского солдата. Более того, именно человечностью Делаво объясняет поражение в Крымской войне: «Русский солдат отличается чувством гуманности, которому он редко изменяет. В этом, как легко догадаться, одна из причин поражения, которое он потерпел в последней войне <...> Беспощадность, которая свойственна нашей армии, должна была, несомненно, обеспечить ей большое преимущество перед русскими, которые лишь неохотно отвечали ударом на удар и не спешили добить противника. Это правда, что русский солдат научился самообладанию, что останавливает его руку; он испытывает воодушевление в пылу сражения, но почти всегда способность сдерживать себя приводит к его поражению».<sup>44</sup>

<sup>41</sup> Delaveau H. La littérature et la vie militaire en Russie. P. 801.

<sup>42</sup> Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 118.

<sup>43</sup> Там же. С. 119.

<sup>44</sup> Delaveau H. La littérature et la vie militaire en Russie. P. 803–804.

Статья завершается, как и почти все статьи Делава о русской литературе, размышлениями критика о состоянии российского общества и о будущем России. Такая структура реализовывала замысел, лежавший в основе этого цикла статей Делава, — сквозь призму литературы увидеть тенденции социальной жизни современной России, нравственно-психологическое состояние общества.

Делава в финальном пассаже выстраивает оппозицию простой народ / российская элита. Симпатии Делава на стороне народа, носителя нравственных ценностей. По мнению критика, русская литература, показывающая высшим классам российского общества и Европе истинное лицо народа, его жертвенность, покорность, героическую стойкость, искреннюю религиозность, способствует скорейшим реформам, которым противится наиболее консервативная часть общества. Делава завершает статью, как и некоторые прежние свои статьи, выражением надежды, что русские крестьяне обретут свободу, а Россия двинется по пути реформ и либерализации.

Последняя статья Делава о русской литературе «Сатирический роман в России» была опубликована за два года до его кончины в январском номере «Revue des Deux Mondes» за 1860 год. Она знакомила читателя с произведениями еще одного представителя реалистической литературы — А. Ф. Писемского, чье творчество, как и творчество Герцена, Григоровича, Некрасова в предыдущих статьях, рассматривается как свидетельство того, что русская литература, пережив иностранные влияния, обрела наконец свой национальный характер, стала выражением «национального гения» («*génie national*») русского народа, которому свойствен трезвый и критический взгляд на мир, проявляющийся в «комическом остроумии» («*verve comique*») и язвительности («*l'esprit caustique*») русского ума. Усиление критицизма и сатирического начала в русской литературе XIX века в творчестве таких писателей, как Крылов, Гоголь, Григорович, Салтыков-Щедрин, Герцен, Некрасов и Писемский, с точки зрения Делава, говорит о возвращении русской литературы к своим истокам. В этом ряду Писемский занимает особое место, так как знаменует «последний прогресс реалистической школы».<sup>45</sup> По мнению критика, этому автору удалось соединить гоголевский скрупулезный анализ фактов повседневной жизни с некрасовским страстным обличительным пафосом.

Особенно подробно Делава останавливается на романе «Тысяча душ», в свойственной ему манере детально пересказывает сюжет, цитирует большие фрагменты, отмечает «удивительную правдивость» созданных писателем типов, высоко оценивает критический взгляд писателя. Заслугу Писемского Делава видит в том, что в перечень чиновничьих пороков, помимо взяточничества (осмеянного до него Гоголем), оказываются включены и глубочайшее невежество, неискоренимая лень, готовность выслужаться перед начальством, другие пороки этого сословия.

Однако критицизм русской литературы вообще, и Писемского в частности, не всегда приходится по вкусу французскому журналисту. Так, например, с плохо скрываемым раздражением он отмечает, что в правление Николая I в русской прозе появилась тенденция критического изображения иностранцев и русских подражателей Западу. Этим грешили Гоголь, Тургенев, поздний Герцен. Не избежал этого и Писемский. «Эта досадная тенденция, — продолжает Делава, — была поддержана партией славянофилов».<sup>46</sup> А далее следует вежливая по тону, но весьма категоричная рекомендация: «В интересах России следовало бы пожелать, чтобы сатирический дух русских писателей вдохновлялся другими предметами».<sup>47</sup> Как видим, критицизм русского ума не всегда хорош для Делава: он готов хвалить его, когда тот проявляется в изображении российской действительности, но не одобряет его при изображении иностранцев. При этом журналист не замечает явного противоречия в своей позиции: он неоднократно в своих статьях с сожалением писал о «подражательности» русской литературы, выступал сторонником ее скорейшего освобождения от иностранных

<sup>45</sup> Delaveau H. Le roman satirique en Russie // Revue des Deux Mondes. 1860. 15 janvier. P. 426–427.

<sup>46</sup> Ibid. P. 441.

<sup>47</sup> Ibid. P. 442.

влияний, в статье о Писемском с удовлетворением констатировал, что это освобождение произошло и русская литература наконец-то обрела свою самобытность, — и тут же через несколько страниц упрекал русских писателей в некотором критицизме по отношению к Западу и западным влияниям. Это противоречие объясняется смешением у Делаво двух критериев в оценке литературы: собственно эстетического и политического. Как критик, Делаво не может не отметить оригинальности современной ему русской литературы, но как французский интеллектуал, встревоженный усилением славянофильских настроений в Европе, он хотел бы сохранить влияние Запада на русскую культуру и общественную жизнь. В этом же причина появления, казалось бы, не имеющих прямого отношения к теме статьи, посвященной творчеству Писемского, нападок Делаво на молодых русских чиновников, которые за границей пытаются защитить репутацию своих коллег. В заключительной части статьи снова звучит волнующий автора вопрос: «Откуда в русских писателях сатирического направления это чувство недоверия к западному обществу?»<sup>48</sup> Ответа на него критик не дает, зато вновь наставительно рассуждает о том, что «существенным фактором прогресса для России является способность славянского духа воспринимать и осваивать все живое и благотворное, что он находит в чужеземных нравах и институтах <...> Поощрять ненависть к иностранному значило бы способствовать неизлечимому бессилию русского национального духа».<sup>49</sup>

Как литературный критик самого авторитетного парижского журнала, с которым знакомилась почти вся образованная и состоятельная Франция и Европа, Делаво внес заметный вклад в ознакомление этой части читающей публики с новинками русской литературы и шире — в формирование образа России в культурном сознании Европы. Делаво не открыл французам богатства и своеобразия русской литературы, как это сделает впоследствии Э. М. де Вогюэ в своем «Русском романе». Заслуга Делаво состояла в том, что он в середине XIX века стал популяризатором русской литературы во Франции. Свою просветительскую миссию он осуществлял и в качестве переводчика, и в качестве литературного критика. Он знакомил французских читателей с произведениями, которые еще не были переведены на французский язык. Статьи Делаво о русской литературе не отличались ни глубиной или оригинальностью мысли, ни широтой взгляда. Новейшая русская литература в статьях французского критика была представлена несколько однобоко, всего несколькими именами современных русских писателей (Герцен, Григорович, Некрасов, Писемский). Делаво прошел мимо почти всей русской поэзии середины XIX века (Фет, Полонский, Майков, Тютчев). В статьях не получило освещения творчество Гончарова, Тургенева, раннего Достоевского.

Делаво не всегда удачно пытался совместить в своем лице литературного критика, историка, социолога, публициста и умелого рассказчика. Хотя ему нельзя отказать в эрудиции (он прекрасно ориентируется в современной русской литературе), однако как литературный критик он поверхностен, как историк и социолог зачастую поспешен в своих умозаключениях, как публицист лишен темперамента и страсти, как рассказчик недостоверен и, конечно, не может соперничать с Мериме. Статьи Делаво в значительной степени носили реферативный характер, состояли из пересказа сюжетов и обширных цитат из произведений русской литературы, но хотя бы в таком виде русская литература становилась достоянием культурной Франции. Для Делаво-критика литература — прежде всего источник информации о России. Творческая оригинальность каждого из русских авторов для Делаво — вопрос второстепенный. Произведения рассматриваются им не как эстетические явления, художественные феномены, а как картины разных сторон русской жизни, прежде всего нравов и институтов общества. В произведениях Герцена Делаво интересны нравы русского чиновничества и помещиков, в повестях Григоровича — жизнь и нравы русского крестьянства, в статье «Религиозные нравы, схизматики русской церкви, старожервы

<sup>48</sup> Ibid. P. 453.

<sup>49</sup> Ibid.

в романе и в истории» — жизнь религиозных сект, староверов и т. д. Такая установка вполне соответствовала культурно-просветительским задачам, которые ставил перед собой журнал «Revue des Deux Mondes», полагавший своей главной целью расширение культурного горизонта французов, их ознакомление с «другим миром», установлениями, нравами, политической и культурной жизнью других стран и народов. В достижение этой цели свой посильный вклад внес Ипполит Делаво.

В целом отношение Делаво, как и журнала, сотрудником которого он являлся, к России заинтересованно-благожелательное. Он видит в России страну в состоянии трансфера, переходящую к реформам, вставшую на путь постепенной либерализации. Борьба нового со старым — постоянный мотив статей Делаво.

В некотором смысле Делаво выступает предтечей де Вогюэ и его знаменитой книги «Русский роман» (1886). Для Делаво данное им в статье описание современной русской литературы, ее наиболее значимых, с его точки зрения, фигур и течений — это всего лишь инструмент изучения «общих тенденций русского народа» («les tendances générales du peuple russe»).<sup>50</sup> Вогюэ в своих статьях в «Revue des Deux Mondes» с большим успехом, чем его предшественник, продолжит на материале русской литературы исследование нравственного состояния русского общества, а также пресловутых «l'esprit russe», «le génie russe». Правда, в интерпретации Вогюэ они приобретут некую таинственность, которой в них не ощущал Делаво, превратятся в «загадочную русскую душу».

<sup>50</sup> Ibid. P. 834.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-112-117

© Е. М. Филиппова

### ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗА ВОЛКА-НИГИЛИСТА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Исследователи творчества И. А. Гончарова неоднократно обращали внимание на символическую насыщенность последнего из его романов,<sup>1</sup> не характерную для поэтики XIX века и сближающую «Обрыв» с произведениями более позднего времени.<sup>2</sup> Особую роль играет в книге анималистическая образность (речь идет о сопоставлении или уподоблении человека и животного). Ее значимость, с одной стороны, свидетельствует, что писатель интересовался актуальной в 1840–1860-х годах позитивистской полемикой о соотношении духовного и животного начал в человеке,<sup>3</sup> с другой же, позволяет увидеть в романе определенные признаки «антинигилистического» жанра:<sup>4</sup> «...анималистические параллели уместны в антинигилистическом романе, в содер-

<sup>1</sup> См. об этом, например: *Пруцков Н. И.* Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 155–156.

<sup>2</sup> *Краснощечкова Е. А.* И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 358.

<sup>3</sup> Материалы цензорской деятельности Гончарова подтверждают его знакомство с журналом «Русское слово», популяризовавшим идеи позитивизма в России. По мнению В. И. Мельника, «романист и сам видит в человеке еще очень много „звериного“, но, в отличие от позитивистов, не просто констатирует этот факт, а дает ему соответствующую оценку, показывает борьбу „звериного“ и „духовного“ в человеке и надеется на „очеловечение“ человека. На этой надежде основывается вся этическая концепция Гончарова, начиная с произведений 40-х гг.» (*Мельник В. И.* Этический идеал И. А. Гончарова. Киев, 1991. С. 87).

<sup>4</sup> *Гродецкая А. Г.* Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения — 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 159.